

Научная статья

УДК 398.21 + 398.1 + 392.2 + 811.19 + 811.35

DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-90-102

**Персонажи легенд о демоне, вредящем деторождению,
в армянской, южнославянской традициях
и в авторском тексте А. Ремизова**

Эгине Артаковна Саакян

Ванадзорский государственный университет

Ванадзор, Республика Армения

sahakyanheghine@mail.ru

Аннотация

В южнославянской Сисиниевой легенде и в авторской обработке легенды А. Ремизовым в качестве демона, вредящего роженицам, выступает Вещтица (Вещица), в армянском фольклоре данная функция отводится, в основном, демонам ал и тпха.

Гог и Магога, пытаясь спасти от дьявола последнего, седьмого, оставшегося в живых ребенка, построили «башню из мрамора, оковали ее гвоздями железными и залили оловом». Решили спрятать царевну в башне, пока ребенок не подрастет. В связи с данным эпизодом представляет интерес поверье, распространенное у многих народов, по которому, чтобы защитить роженицу от алов, ее во время родов окружали железными предметами. Например, древние армяне прикалывали булавку к одежде или постели роженицы или ребенка, вешали над колыбелью меч и т. п.

В текстах отмечаются погодные условия – буря, зима, ливень, вьюга, которые способствуют тому, чтобы впустить Сисиния в дом. Связь непогоды, в частности бури, с демонами ярко прослеживается и в армянской, и в славянской традиции.

Море является пристанищем дьявола как в армянской и арамейской, так и в греческой традиции: только в эфиопских текстах вместо моря выступает сад как место обитания и убежище Верзильи. В восточнославянских молитвах из моря выходят трясавицы, при этом оно вздымается. Вместо традиционной для славянских версий ловли Сисинием демона из моря с помощью удочки / сети А. Ремизовым представлена характерная скорее для армянских преданий встреча святого и демоницы в пустыне.

Нами установлено сходство Вещтицы с демонами алами из армянского фольклора, которые описываются как антропоморфные существа с горящими или стеклянными глазами.

Для сравнительно-сопоставительного анализа списков имен демонов мы рассмотрели мифонимы, выявленные в славянских (точнее, в интересующей нас южнославянской ветви), армянских и ремизовской версиях текстов Сисиниевой легенды.

Первая группа – мифонимы демонов, состоит из имен демонов, ведьм и колдунов; вторая группа – мифонимы, производные от слов, указывающих на вредительство демонов (образованные преимущественно от глаголов). Особое место (вторая группа) отводится мифонимам, со значением, «нанесения ущерба детям». Третья группа названий указывает на связь Вещтицы с атмосферными явлениями. Четвертая – мифонимы, указы-

© Саакян Э. А., 2021

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетология. 2021. № 2. С. 90–102

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2, pp. 90–102

вающие на оборотничество и способность демонов к превращениям. Пятая – названия болезней и их симптомов. Шестая группа – оценочные имена.

Перечень имен демона в тексте А. Ремизова состоит из тринадцати мифонимов, которые больше напоминают имена трясавиц или грешников / грехов, причем все они исключительно женского рода.

Ключевые слова

святой Сисиний, Мелетина, Магога, мифонимы демонов, Вещица, Мора, трясавицы, ал и тпха, тератоморфный облик

Для цитирования

Саакян Э. А. Персонажи легенд о демоне, вредящем деторождению, в армянской, южнославянской традициях и в авторском тексте А. Ремизова // Сюжетология и сюжетология. 2021. № 2. С. 90–102. DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-90-102

Characters of Legends about a Demon Harming Potential in Armenian, South Slavian Traditions and in the Author's Text of A. Remizov

Heghine A. Sahakyan

Vanadzor State University
Vanadzor, Republic of Armenia
sahakyanheghine@mail.ru

Abstract

In the South Slavic *Sisinia* legend (SL) and in the author's adaptation of the legend by A. Remizov, *Veshititsa* (*Veshitsa*) acts as a Demon harming women in labor, in Armenian folklore this function is assigned mainly to the demons *Al* and *Tpkha*.

Gog and *Magoga*, trying to save the last, seventh, surviving child from the Devil, built 'a tower of marble, bound it with an iron nail and filled it with tin'. They decided to hide the *Queen* in the tower until the child grows up. In connection with this episode, of interest is a belief widespread among many peoples, according to which, in order to protect a woman in labor from the *Als*, she was surrounded by iron objects during childbirth. For example, the ancient Armenians pinned a pin to the clothes or bed of a woman in labor or a child, hung a sword over the cradle, etc.

The texts note the weather conditions – storm, winter, downpour, blizzard, which contribute to letting *Sisinia* into the house. The connection between bad weather, in particular, storms with demons can be clearly traced in both Armenian and Slavic traditions.

The sea is the abode of the devil both in the Armenian and Aramaic and in the Greek traditions: only in Ethiopian texts, instead of the sea, does the garden appear as the habitat and refuge of *Verzilla*. In East Slavic prayers, shakers come out of the sea, while it rises. Instead of the traditional for the Slavic versions of catching a demon from the sea with the help of a fishing rod / net, A. Remizov presented a meeting of a saint and a demoness in the desert, which is more typical of Armenian legends.

We have established the similarity of the *Thing* with the demons *Als* from the Armenian folklore, which are described as anthropozoomorphic creatures with burning or glass eyes.

For a comparative and comparative analysis of the lists of the names of demons, we examined the mythonyms identified in the Slavic (more precisely, in the South Slavic branch of interest to us), Armenian and Remizov's versions of the texts of the *Sisinia* legend.

The first group – demon mythonyms, consists of the names of demons, witches and sorcerers. The second group is mythonyms derived from words indicating the wrecking of demons

(formed mainly from verbs). A special place is given to mythonyms with the meaning of "harming children". The third group of names indicates the connection between *Veshitsa* and atmospheric phenomena. The fourth group – mythonyms, indicating werewolf and the ability of demons to transform. The fifth group is the names of diseases and their symptoms. The sixth group is evaluative names.

The list of demon names in the text of A. Remizov consists of thirteen mythonyms, which are more reminiscent of the names of *shakers* or *sinner*s / *sins*, and all of them are exclusively feminine.

Keywords

Saint Sisinius, Meletina, Magoga, mythonyms of demons, Veshitsa, Mora, Tryzavitsy, al and tpkha, teratomorphic appearance

For citation

Sahakyan H. A. Characters of Legends about a Demon Harming Potential in Armenian, South Slavian Traditions and in the Author's Text of A. Remizov. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 2, pp. 90–102. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-90-102

В южнославянской Сисиниевой легенде (СЛ) и в ее авторской обработке А. Ремизовым в качестве демона, вредящего роженицам, выступает Вещица (Вещица), в армянском фольклоре данная функция отводится в основном демонам ал и тпха. Во всех названных вариантах текстов легенды в качестве спасителя и защитника от злого духа чаще выступает Святой Сисиний: в авторском тексте А. Ремизова – великий воин Сисиний; в южнославянской СЛ – св. Сисин, св. Сисон, св. Сисой и др.; в армянских версиях СЛ – св. Петр, св. Павел, св. Христос и Дева Мария, св. Сисиний, св. Сианий и др. В качестве жертвы демона в южнославянской СЛ выступает сестра св. Сисина (Сисиния) Мелетина, Мелентия; в авторской обработке СЛ А. Ремизовым – сестра Сисиния Магога и ее муж царь Гог; в армянской версии СЛ имен персонажей-жертв не выявлено.

Авторская обработка СЛ А. Ремизовым начинается с дополнительных вставочных эпизодов о стеклянном царстве царя Гога и его супруги царицы Магоги, подвергшегося нападению комариных войск. В авторском тексте отсутствуют мотивы явления Бога или ангела к Сисинию с поручением идти к сестре, детей которой похитил дьявол. Вместе с тем А. Ремизов также подчеркивает, что Сисиний (братья не указываются) был великим воином: «Сисиний – великий воин, побивший много побоищев, победитель Пора, царя индейского» [Ремизов, 2001, с. 28]¹. Царь Пор выступает и в другом авторском произведении А. Ремизова – в легенде «Премудрый царь Соломон и красный царь Пор» (с. 562–577). На наш взгляд, это является косвенным указанием на воздействие эпизода **встречи Соломона и демоницы Обизуф** из «Завещания Соломона», который в дальнейшем лег в основу вариантов СЛ в авторской обработке А. Ремизова. В авторском тексте А. Ремизова во вставных эпизодах упоминается и широко представленное в армянском и грузинском фольклоре «каменное царство».

Гог и Магога, пытаясь спасти от дьявола последнего – седьмого, оставшегося в живых ребенка, построили башню, в которой решили спрятать царевну, пока ребенок не подрастет. Магога взяла запасы на несколько лет и одну старуху-служанку: «В одну ночь построили вдали от жилья башню из мрамора, оковали ее

¹ Далее ссылки на это издание делаются в круглых скобках с указанием страниц.

гвоздем железным и залили оловом, так что ни снаружи, ни изнутри невозможно проникнуть» (с. 28). В связи с данным эпизодом представляет интерес поверье, распространенное у многих народов, по которому, чтобы защитить роженицу от алов, ее во время родов окружали железными предметами. Например, древние армяне прикалывали булавку к одежде или постели роженицы или ребенка, клали под подушку матери или вешали над колыбелью младенца меч, очерчивали ее кругом углем из тонира [Гадевоян, Коцинян, 2017, с. 342].

Сисиний просит Магогу впустить его в дом, она отказывается, ссылаясь на то, что боится дьявола. Поддавшись уговорам Сисиния, сестра впускает его. В текстах отмечаются погодные условия – буря, зима, ливень, вьюга, которые способствуют тому, чтобы впустить Сисиния в дом. Связь непогоды, в частности бури, с демонами ярко прослеживается и в армянской, и в славянской традиции.

В вариантах СЛ дьявол проникает в дом обманным путем, часто под копытами коня Сисиния, превратившись в зерно. Мы склонны согласиться с мнением Т. Агапкиной о типологическом сходстве эпизода СЛ с проникновением дьявола-вещицы в убежище, созданное для спасения рода / потомства, к сюжету AaTh 825 – «Черт в Ноевом ковчеге»: «С помощью жены Ноя черт выведывает тайну постройки ковчега, оборачивается мышью, проникает в него, пытается потопить (грызет дно), кошка съедает мышь и спасает ковчег» [СУС, 1979, с. 209]. В армянских текстах ал и тпха могли проникнуть в дом через печную трубу в виде ветра, бури, в образе лягушки или же превратившись в волос. В ремизовской обработке Вещица проникает в башню, спрятавшись в пасти коня Сисиния. Интересно, что местом обитания алов, кроме водных источников, колодцев, сырых песчаных мест, также считались углы домов, конюшни и хлева. Мотив превращения всегда присущ демону, вредящему деторождению. Проникший в убежище дьявол похищает ребенка и убегает. Интересен вариант, когда дьявол ночью превращается во льва или ловца и в зубах уносит ребенка: «У поноћи сотвори се даволь у лафа и узе отроча у зубе и утече у бездну морску» (НБС 88); а в некоторых текстах дьявол получает имя льва – левь и скоуминь (ИерП); левь и скоумень (СПД 1) «лев и лъвенок»; в 419-й молитве архангела Михаила против Вещицы среди ее имен встречается лавица, лавница (серб. лавица «лъвица») [Агапкина, 2017, с. 418–419]. Описание львоподобного демона в ремизовском тексте отсутствует. Однако ал и тпха изображались в тератоморфном облике, причем часты были сравнения со львами: Волосы его как змеи (№ 13), / Волосы как у **льва**, / Пальцы (ног) сзади, а ступни – спереди (№ 7) / И лик безобразнее, чем у всех животных, Как конская морда (№ 10), Виднелась грива его как у свињи, Виднелся язык багряный (№ 21) и т. д. [Гадевоян, Коцинян, 2017, с. 336, 337].

В вариантах Сисиниевой легенды Мелетина обнаруживает пропажу ребенка / находит его мертвым и будит братьев, «возопив громким голосом». В авторской обработке А. Ремизова: «Сотрясалась башня от вопля и проклятия» (с. 29).

В авторской обработке А. Ремизова за дьяволом гонятся Сисиний и царь Гог, а не его братья: «Поднявши руки к небу, стали просить у Бога дать им власть над Нечистойю, поймать ее; и по молитве, сев на коней своих, погнали через пропасти за холодные горы» (с. 29).

Дополнительный фрагмент о встрече Сисиния и деревьев в ремизовском тексте заменен вставкой о глубоком сне Сисиния и встрече Гога со Смертью.

Море является пристанищем дьявола как в армянской и арамейской, так и в греческой традиции, только в эфиопских текстах вместо моря выступает сад как место обитания и убежище Верзили. В восточнославянских молитвах из моря выходят трясавицы, при этом оно вздымается. Вместо традиционной для славянских версий ловли Сисинием демона из моря с помощью удочки / сети А. Ремизовым представлена характерная скорее для армянских преданий встреча святого и демоницы в пустыне: «Идет по пустыне некая женщина: она шла по пустыне, блеща огнем, длинные до пят волосы крыльями горели за ней, и от всего тела ее пыhalo пламенем» (с. 30).

Ремизов сохранил сцену избиения дьяволицы, когда, нанося ей удар за ударом, с каждым ударом давал ей по три тысячи ран: «Тогда Сисиний, вздернув коня, схватил ее со всего плеча за волосы и, сбив в мяч, стал бить и колоть ее, требуя выдать царских сынов» (с. 30).

То, что Сисиний имеет дело с дьяволом, подчеркнуто и в тексте А. Ремизова: «Кто ты, откуда, и как имена твои? – крикнул Сисиний Дьяволу» (с. 30), а то, что его имя Вещица, обычно звучит только в перечне имен. Однако в ремизовской версии легенды дьявол раскрывает свое первое имя в самом начале встречи с Сисинием: «Я крыло Саганино, я – Вещица» (с. 30). Вместе с тем Вещица А. Ремизовым изображается «блеща огнем» с полыхающим пламенным телом, длинными до пят волосами, которые крыльями горели за ней и глазами, способными, прожечь человека насквозь, так что золото расплавилось на Сисинии.

По описанию Вещица очень похожа на армянских демонов алов: описываются как антропоморфные существа с горящими или стеклянными глазами, железными зубами и медными клыками, железными бровями, медной шеей, с огромными железными руками (в некоторых вариантах алы держат в руках резак), с обвисшими грудями и перевернутыми стопами, что является отличительной особенностью других армянских демонов – каджков. Волосы алов взъерошены, иногда изображаются в виде змей, конской гривы или щетины кабана. В народе алов часто называли зверями, упоминая вместе с дэвами (դևեր) и каджками (քաջեր) [Тадевосян, Коцинян, 2017, с. 342].

То, что дьявол сожрал детей Магоги, становится понятным из ее признания Сисинию: «Я пожрала их, – воскликнула Вещица» (с. 30). Далее у А. Ремизова Сисиний требует от дьявола, чтобы тот изверг детей Магоги, на что он ставит условие: если Сисиний изрыгнет материнское молоко, в качестве своеобразной формулы невозможного или трудной задачи, задаваемой дьяволом. Сисиний, помолвившись, чудесным образом выполняет условие. И пораженный чудом дьявол в ответ извергает детей Магоги.

В заключительном фрагменте дьявол просит отпустить его. Сисиний требует от дьявола раскрыть его имена. Дьявол называет свои имена и клянется не вредить людям. В южнославянских списках молитвы св. Сисиния оберегом от дьявола-Вещицы являются сакральные имена: Матей, Марк, Лука, Иван, что дало основания Т. Агапкиной заключить, что в молитвах «Сисиний / Мелетина-типа» изначально не было перечня имен демоницы и соответственно клятвы этими именами.

В ремизовском тексте приводятся 13 мифонимов: Мора, Ахоха, Авиза, Пладница, Лекта, Нерадостна, Смутница, Бесица, Преображеница, Изъедущая, Полобляющая, Негрызущая, Голяда.

Клятвы демоницы с упоминанием небесной вышины и морской глубины встречаются в греческих и армянских молитвах «Михаил-типа», но отсутствуют в авторской обработке А. Ремизова.

Поздняя вставка, характерная для сказочных текстов об отправлении дьявола Сисинием в бездну и отнесении детей к сестре, А. Ремизовым не включена в авторский текст легенды. Ср. с упоминаемым в армянских заговорах царем алов, которому они постоянно приносят новые жертвы. **Он живет в бездне**, по шею утопая в расплавленном свинце [Тадевосян, Коцинян, 2017, с. 342].

Имена Демонов

Для сравнительно-сопоставительного анализа списков имен демонов выявленных в славянских (точнее, интересующей нас южнославянской ветви), армянских и ремизовской версиях текстов СЛ мы взяли за основу модель классификации, предложенную Т. Агапкиной для мифонимов демонов из южнославянских списков. На востоке и юго-востоке Балкан (Болгария, Македония, Восточная Сербия) демонов, вредящих роженицам и младенцам, называют бабице, нави, але, сотоње, свирци и т. д. Некоторые из них генетически соотносятся с детьми, умершими некрещеными. Они появляются в доме по ночам, считаются причиной болезней, ночного крика и плача детей, отсутствия молока у роженицы, а также смерти ребенка [Агапкина, 2017, с. 454]. В отличие от южнославянских демонов, восточнославянские не имеют каннибалистических наклонностей, что является ключевой причиной привлечения нами мифонимов исключительно из южнославянских текстов.

Первая группа – мифонимы демонов – состоит из имен демонов, ведьм и колдунов (авет, вельзъвүүл, вила, вѣщица, демонъ, дияволъ, мора, pavada, нечисти дѣхъ, слуть, чаротворьць, чинилица).

Вѣщица (Вещтица) – один из основных персонажей южнославянской мифологии; это ведьма, совмещающая черты реального человека и демона, обладающая сверхъестественными способностями и причиняющая вред: похищает детей (новорожденных, до 40-го дня), съедает и выпивает сердца и кровь у детей и взрослых. Имя «вѣштица», этимологически родственное восточнославянским вѣдьма, вѣдуна, вѣщица, происходит от *věděti «знать» и имеет значение «тот, кто знает» [Скок, 1971, с. 603; Агапкина, 2017, с. 455]. В авторской обработке легенды А. Ремизовым, дьявол сам представляется Вещицей.

Мора (также нагимора, тмора, меритимора) – женский мифологический персонаж, основной функцией которого является удушение. Мора душит и мучит спящего человека, наваливаясь ночью ему на грудь, а также сосет у спящего человека кровь, нападает на роженицу и ребенка в течение 40 дней после родов и т. д. Как и Вещица, мора особенно опасна для детей. Из 13 мифонимов, приведенных А. Ремизовым, Мора является первой [Агапкина, 2017, с. 456].

Вилы – самый известный персонаж сербской фольклорной и мифологической традиции, им приписывается похищение детей.

Дьявола (давол, сатана, вельзевул, враг). По Сисиниевой легенде детей Мелетины похищает именно дьявол, а о том, что этот дьявол носит имя Вещица, мы узнаём из перечисления им своих имен.

Из перечисленных имен нечисти в авторском тексте А. Ремизова к первой группе мифонимов можно отнести имя **Бесица**, в котором отчетливо выделяется корень ‘бес’.

В армянской версии СЛ аналогичными именами демонов, на наш взгляд, могут быть **Марой (Մարոյ)**: 1. в армянском языке корень *мар-* (մար) с окончанием *-ել* (մարել) означает ‘гаснуть, гасить’. Следовательно, Марой является демоном-убийцей, «гасящим» жизни людей; 2. возможен и другой вариант, согласно которому Мара (Марой) была демоном, вызывавшим помутнение рассудка у людей [Мансветов, 1881, с. 32; Ачарян, 1977, с. 281].

Анканес (Անկանես), **Анканис (Անկանիս)**, **Анкэанис (Անկանիս)**, **Анкенес (Անկանես)**. Выделяются корни *-кан-* (кеан), *-кэн-* (կան, կան) со значением ‘жизнь’, приставка со значением отрицания *ан-* (ան-) ‘не’. Предположительно, Анканес демон-убийца, лишаящий людей жизни. По С. Арутюняну, в основе данных имен лежит армянское слово *анканел* (անկանել), означающее ‘выкидыш, спровоцированный воздействием нечистой силы’ [Арутюнян, 2006, с. 328].

Майройэ (Մայրոյէ) – корень *майр-* (մայր) ‘мать’. Следовательно, Майройэ – ал, вредящий матерям, либо она сама мать демонов.

Мармарой (Մարմարոյ), **Мармарай (Մարմարայ)**, **Мармаройэ (Մարմարոյէ)** – модификации одного и того же имени. Стоит отметить, что среди имен Гилло встречаются формы: Мармари, Мармарос. В греческом языке они дают представление о белом и бледном, холодном и неумолимом, т. е. о смерти. И. Д. Мансветов же видит в этих именах сходство с русскими трясавицами Белеей и Бледнеей [Мансветов, 1881, с. 32]. Мармарой, Мармарай и Мармаройэ, предположительно, являются демонами смерти [Тадевосян, Коцинян, 2017, с. 351].

Вторая группа – мифонимы, производные от слов, указывающих на вредительство демонов (образованы преимущественно от глаголов): вадница < «вытаскивать»; дражница < «дразнить», «раздражать»; званий, звателица < «звать»; губителница, изгубетеница < «губить»; издрица < «вырывать»; клеветница < «клеветать»; клета, клетница < «проклинать»; кровопитница, кровопица < «пить кровь»; ловица, ловница < «ловить»; *parast'nisca* < «приносить несчастье»; обрезаница, резаница < «резать»; преблизаница < «приближаться»; преласни дьяволь < «искушать, обманывать»; страшница < «пугать»; члвкы разьбивають < «разбивать»; оубица < «убить»; оудница < «вредить»; ки луди свадут < «ссорить» [Агапкина, 2017, с. 459].

Шесть мифонимов из ремизовского перечня считаем целесообразным отнести во вторую группу: **Смутница, Нерадостна, Полобляющая, Негрызущая, Пладница, Изъедущая.**

Смутница – по нашему мнению, дьяволица, вызывающая смуту, раздор.

Нерадостна – вероятно, мифоним обозначает демоницу, лишаящую радости.

Полобляющая – на наш взгляд, корень *-лоб-* в составе данного мифонима может иметь два значения: 1. ударяющая по лбу, и, более вероятное, 2. пишущая на лбу (судьбу, долю). Поверья о мифических существах, определяющих судьбу человека при рождении, весьма распространены в мифологиях разных народов. Интересно, что слово *судьба* на армянском языке – ‘чакатагир’ (ճակատագիր) состоит из двух корней, обозначающих лоб и письмо, дословно понимаемое как ‘написанное на лбу’.

В армянских списках СЛ выявляются мифонимы **Калиши** (Կալիշի), **Калилэ** (Կալիլէ), **Калели** (Կալիլի). Корень *кал-* (կալ) с окончанием *-ел* (ել) означает ‘овладевать, пленять, связать, держать’, т. е. Калиши, Калели и Калилэ могут быть демонами, овладевающими человеком, вселяющимися в него [Тадевосян, Коцинян, 2017 с. 351].

Аслумэ (Ասլումէ) и **Ашиной** (Աշիոյ). Корень *ас-* (աշ) в армянском языке имеет значение ‘говорить’, суффикс *-мэ-* указывает на лицо женского пола, следовательно, Аслумэ можно перевести как ‘говорящая’. В имени **Ашиной** просматривается форма армянского глагола *ашел* (աշել) ‘смотреть’, т. е. ‘смотрящий’ [Тадевосян, Коцинян, 2017, с. 350].

Во второй группе особое место отводится мифонимам со значением «**наносщая ущерб детям**». Из южнославянских мифонимов сюда можем отнести: **млекарь**, узима мла(д)еньцемь млеко («отбирать молоко»); **сати**, **исиза** («сосать»); **страшница** («пугать»); **втроки юмлеть**, **дјети оузимають** («хватать, забирать детей»); **оубѣца** («кубить»); **оудница** («вредить») и т. д. Вещице приписывается функция душисть детей (**детодавица**), забирать (**дјети зимають**) и умерщвлять их (**чедомориѧ**).

Мифонимы со значением «**хватать, забирать ребенка**» («**дјети оузимають**», «**втроки юмлеть**»), обозначают похищения ребенка дьяволом. **Мотив заставления ребенка плакать и его скрывание** [Агапкина, 2017, с. 459].

Мифоним со значением «**кровопийца**» (кровопица), а еще позже также «**сосущая, пьющая**»: **пина**, **сати**, **возможно, исиза**.

Пладница – от слова *плод*. Относительно этого мифонима мы можем выдвинуть две версии. 1. Демоница вредит плоду, во время беременности. Подобная функция была присуща и алам из армянского фольклора. Упоминается, что алы могут стать причиной выкидыша; в заговорах против алов говорится, что они крадут шести-, семи-, восьми- и девятымсячных младенцев, а также зародыши, находящиеся в материнской утробе; 2. Функцией демоницы может быть «расплачивание» нечисти либо оказание помощи, покровительства рожающим демоницам. Обе версии нам кажутся одинаково правдоподобными.

Изъедающая – от слова *есть*. На наш взгляд, данная демоница может вызывать у человека, в том числе и у детей, ненасытность. Известно, что, алы также могли извлекать пищу из желудка детей, отчего те были постоянно голодными и становились прожорливыми.

Негрызущая – на наш взгляд, мифоним является своего рода эвфемистическим обозначением демоницы, не пожирающей плоть младенца, а высасывающей их кровь – функционально близкая к вышн названной **Исизе**.

Из имен армянских демонов к данной подгруппе можно отнести: **Тпайоци** (Տղայոցի) – от армянского *mla* (մլա) ‘дитя, мальчик’. Предположительно, демон вредит новорожденным мальчикам.

Цнанелой (Շնանելոյ), **Цнелоц** (Շնելոց), **Цнанелоц** (Շնանելոց), **Цнанелоци** (Շնանելոցի). В основе имени лежит армянский глагол *цнел* (ծնել) ‘рожать’. Возможно, демон причиняет вред именно во время родов [Тадевосян, Коцинян, 2017, с. 351].

Третья группа названий указывает на связь Вещицы с **атмосферными явлениями**, а также, возможно, **на способ передвижения: ветарь, вихрьница, вир, витница, витусал дијавалски, вия**.

И у славян, и у армян ветер, а особенно вихрь, как нечто крутящееся, традиционно считался вместилищем и способом передвижения нечистой силы. В связи с данным поверьем в ряде списков молитвы св. Сисиния присутствует мотив бури, холода и непогоды, разыгравшейся в ночь похищения младенца Мелетины. Данный мотив, как уже было отмечено, присутствует в авторском тексте А. Ремизова, однако среди перечисляемых Вещицей имен соответствий с данной группой мифонимов нами не обнаружено.

Из армянских списков этой группе имен соответствуют мифонимы **Айсмэ** и **Айсзин**.

Айсмэ (Այսմէ). Слово *айс* (սյւ) в армянском языке имеет два значения: 1. ветер, дуновение (բւիւր, փչում); 2. злой, дракон, черт (շար, դւ, ւիւսիւիւ). Отсюда возникло слово *айсаһарвел* (սյւսիւիւրվել, т. е. 'подвергнуться воздействию нечистой силы', 'испугаться'). Слово *айсакир* (սյւսիւիր), обозначает человека или животного, одержимых бесом [Ачарян, 1971, с. 171].

Айсзин (Այսզին). Т. Тадевосян и Ш. Коцинян предполагают, что Айсмэ и Айсзин являются демонами с одинаковой функцией, отличающимися друг от друга лишь полом, исходя из того, что форманты *мэ* (մէ) и *нэ* (նէ) в армянском языке указывают на лиц женского пола, а формант *зин* (զին), по всей вероятности, обозначает представителей мужского пола [Ачарян, 1971, с. 171; Тадевосян, Коцинян, 2017, с. 350].

Четвертая группа – мифонимы, указывающие на оборотничество и способность демонов к превращениям. Оборотничество и многоликость демонов является их сквозной отличительной чертой в разных культурных традициях. Характерным для данной группы в южнославянских текстах являются имена **преобра́зница, обратни́ца, образница**.

Помимо имен, обозначающих оборотничество, сюда можно отнести имена, указывающие на те образы, которые может принимать Вещтица: **голу́бница, зми́я, медвидица, ur'sica**, а также **левь** и **скоуми́нь, лавица** [Агапкина, 2017, с. 462].

Среди имен Вещицы из произведения А. Ремизова к четвертой группе относится мифоним, указывающий на процесс трансформации демона – **Преобра́женица**.

Аналогичными именами из армянских списков считаем такие мифонимы, как **һомизан** (Հոմիզան), **һомитун** (Հոմիտան). Выделяются корни: *-һом-* + *-зан-*, *-һом-* + *-тун-*. Корень *-һом-* имеет значение 'одинаковый, похожий, весь', корень *-зан-* имеет значение 'образ, вид', а корень *-тун-* – 'дом, жилье'. Можно предположить, что речь идет о демонах, внешне не отличающихся от людей, причем второй из них селится в домах [Тадевосян, Коцинян, 2017, с. 352].

Екитун (Եկիտան). Выделяется два корня: *-ек-* (եկ) 'приходить' и *-тун-* (տան) 'дом'. В данном случае Екитун может быть демоном, который живет в доме, т. е. домовым [Тадевосян, Коцинян, 2017, с. 351].

Айли́нэ (Այլինէ). В данном имени присутствует женский формант *-нэ*. По нашему мнению, слово могло образоваться от корня *-айл-* (սյլ) со значением 'другой, чужой'. Можно предположить, что это существо из другого мира, ведь чужими называют всех демонических персонажей, представителей нечистой силы. С ними же отождествляли и пришельцев из других, чаще всего, далеких

стран. В качестве примера Т. Тадевосян и Ш. Коцинян приводят **болгарских Ерменок** [Тадевосян, Коцинян, 2017, с. 349–350].

Пятая группа – названия болезней и их симптомов. В южнославянских текстах это такие мифонимы, как **вара, врукъ, живи вгнь, месечница, месечина, падница, прострел, сипина.**

Мифонимы **вара** и **врукъ** имеют, по-видимому, значение «огневица, горячка, лихорадка» (ср. болг. **огница**, серб. **огњица** «лихорадка» и т. д.) и скорее всего связаны с темой жара как симптома послеродовой горячки, насылаемой на роженницу. Этим можно объяснить, почему в названиях молитв, начиная с XVII в., появляется слово **«грозница»** – так называют лихорадку (в том числе у детей), сопровождающуюся усиленным кровообращением, высокой температурой, сменяющейся ознобом; синонимами названия «грозница» как раз и являются слова **огаъ, огњица, вруѣница** (RHSJ 3: 467–468, с XIV–XV вв.) [Агапкина, 2017, с. 461]. Напомним, что у восточных славян Сисиниева молитва превратилась в трясавичную, т. е. в молитву от лихорадки, горячки.

Айрой (Црпн). Корень *-айр-* (црп) со значением ‘жечь, сжигать’. Предположительно, это демон, вызывающий у человека жар [Тадевосян, Коцинян, 2017, с. 350].

Дайгалай-готэ (Դայցալայ-Գոտէ), **Дахакотэ** (Դախաքոտէ). Слово *daygal* может быть искаженной формой армянского *dagal* (դալալ) – ‘гроб’. В армянском языке известны слова *годи* (գոդի), *коти* (կոտի) со значением ‘прокаженный, страдающий дурной болезнью, инвалид’ [Ачарян, 1971, с. 570, 614]. *Дайгалай-готэ* могут быть восставшими из могил мертвецами, или демонами, заражающими людей проказой. С. Арутюнян высказал мысль о том, что имя Дахакотэ связано с Ахкатэ: начальная «д» в первом имени могла быть ошибкой переписчика, написавшего ее вместо цифры 4 (в древности армяне употребляли буквы в значении чисел, буква Д (Դ) как раз соответствует цифре 4, а Дахакотэ в перечне демонов стоит на четвертом месте) [Арутюнян, 2006, с. 328].

В авторской обработке легенды А. Ремизовым используется также мифоним **Ахоха**, который представляет собой соединение характерных для болевых ощущений междометий, произносимых человеком при разных недугах.

Шестая группа – оценочные имена, часть которых, как справедливо отмечает Т. Агапкина, имеет пейоративный характер. В южнославянских текстах к этой группе относятся, например, **безобразница, блудница, зла, lјutica, lјutoděe, панац, s’metiš’nica, тать.**

В качестве подтипа шестой группы выделяются умилоствительные эвфемистические имена: **добраѡа, макарѡла, мудрица, света, сиѡана, славна, ŝcedrotica** [Агапкина, 2017, с. 462].

Демоны данной группы нами выявлены и в армянских списках СЛ: **Акатэ** (Աքատէ) – предположительно, от армянского *akam* (աքամ). Корень имеет два значения: 1. бедный, бездомный, попрошайка; 2. больной, худой, жалкий. В данном контексте более актуально второе значение корня: можно считать Акатэ демоном болезни, причиняющим тяжелые недуги [Ачарян, 1971, с. 137].

Алазо (Ալազո), Азлазой (Ազլազո). Алазо – измененная форма имени Азлазой. Как Азлазой, так и Алазо могут восходить к **Аззелу** – известному у семитов и иудеев демону пустыни [Тадевосян, Коцинян, 2017, с. 350].

Из перечисленных А. Ремизовым тринадцати мифонимов нам кажется целесообразным отнести к шестой группе следующие имена.

Авиза – о значении данного мифонима у нас несколько предположений. Во-первых, отрицательная приставка *a-* и корень *в > вэ > вэз > взгляд*. Мифоним может обозначать невидящую, слепую демоницу. Отметим, что слепота является характерной чертой нечисти. Учитывая вредительство нечисти, демоница может быть духом, слепоты как болезни. В данном ключе представляет интерес армянское поверье, по которому алы не только похищали или подменивали младенцев, но также поедали, предварительно ослепив и оглушив их. Во-вторых, в чередовании *виз > вид* можно усмотреть значение *лицо, облик, вид* [Фасмер, 1986, т. 1, с. 312], что вкпе с отрицательной приставкой может приобрести значение *безобразный* – одно из имен демона. Однако мы склонны к версии, указывающей на слепоту как болезнь, наводимую на человека демоном, либо на признак самого демона. Следует отметить, что и слово «визг» образовано от данного корня, что является достаточно интересным фактом, если учитывать, что «вопли и визг» являются обязательной характерной чертой демона, повторяющейся в разных мифологических традициях.

Лекта – от латинского «lectio ot lego», вероятно, функция демона связана с речью. Наше предположение подкрепляется значением слова «лекотать» – «бормотать», вместе с тем финское «lakatta» – «говорить неясно, болтать» [Там же, т. 2, с. 478]. По нашему мнению, это демоница, вызывающая нарушение речи либо немоту.

Голяда – «нищий, бродяга» [Там же, т. 1, с. 434]. По всей видимости, Голяда – демон, вызывающий болезни и нищету. Учитывая связь женского демона с водой, также интересно, что «голядь» (или олядь) являлось названием вида лодки [Там же, с. 434].

Таким образом, тема уничтожения потомства и фертильности является сквозной для многих мифологических традиций, в том числе армянской и славянской. Нами установлено, что каннибалистические свойства характерны как для южнославянской Вещицы, так и для армянских демонов алов.

Широкую вариативность рукописных текстов у армян и русских А. Топорков [2017] связывает с воздействием местного фольклора. В перечнях мифонимов поздних молитв появились имена Вещиц, обусловленные традиционными верованиями, связанными с функциями демонов.

В южнославянской рукописной традиции Сисиниева молитва представлена двумя сюжетными типами – молитвой св. Сисиния и молитвой архангела Михаила против Вещицы. Количество имен нечисти от 12-ти до 22-х.

В армянской традиции имелись тексты и «Михаил-типа» и «Сисиний / Мелетина-типа». В армянских заговорах против ала и тпхи встречается пять списков имен демонов. В трех списках насчитывается 12 имен, а в двух других – 11 и 6.

В рамках ономастикона преобладают существительные женского рода, оканчивающиеся на *-a* в южнославянских текстах, и женские окончания *-мэ, -нэ* зафиксированы в большинстве мифонимов из армянских списков о демоне, вредящем деторождению, что подтверждает представление о его женской природе.

Перечень имен демона в тексте А. Ремизова состоит из тринадцати мифонимов, которые больше напоминают имена трясавиц или грешников / грехов, и все исключительно женского рода.

С течением времени образ Вещтицы всё дальше отходил от образа дьявола и приобрел антропоморфные черты. Данная тенденция характерна и для армянских демонов алов и тпхи.

Список литературы

- Агапкина Т. А. Сисинева молитва у южных славян // Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы. М.: Индрик, 2017. С. 373–507.
- Арутюнян С. Армянские заговоры и народные молитвы. Ереван, 2006. (на арм. яз.)
- Ачарян Гр. Этимологический коренной словарь армянского языка. Ереван, 1971. (на арм. яз.)
- Мансветов И. Д. Византийский материал для сказания о двенадцати трясавицах // Древности: Тр. Имп. Моск. археол. об-ва. М., 1881. Т. 9, вып. 1. С. 24–36.
- Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. М.: Рус. книга, 2001. Т. 6: Лимонарь. 784 с.
- Скок П. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Загреб, 1971. Т. 1. (на хорв. яз.)
- СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л.: Наука, 1979. 437 с.
- Тадевосян Т. В., Коцинян Ш. К. Армянские амулеты и заговоры против ала и тпхи и Сисиниева легенда // Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы. М.: Индрик, 2017. С. 327–373.
- Топорков А. Л. Заключение // Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы. М.: Индрик, 2017. С. 771–793.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. 574 с.; Т. 2. 672 с.

References

- Acharyan Hr. Etymological Root Dictionary of the Armenian Language. Yerevan, 1971. (in Arm.)
- Agapkina T. A. Sisineva molitva u yuzhnykh slavyan [Prayer of Sisinia among the southern Slavs]. In: Sisinia legends in folk and manuscript traditions of the Middle East, Balkans and Eastern Europe. Moscow, Indrik, 2017, pp. 373–507. (in Russ.)
- Arutyunyan S. Armenian conspiracies and folk prayers. Yerevan, 2006. (in Arm.)
- Mansvetov I. D. Vizantiyskiy material dlya skazaniya o dvenadtsati tryasavitsakh [Byzantine material for the legend of the Twelve Shivers]. In: Antiquity. Works of Imp. Moscow Archaeological Society. In 9 vols. Moscow, 1881, vol. 9, iss. 1, pp. 24–36. (in Russ.)
- Remizov A. M. Collection of works. In 10 vols. Moscow, Russian Book Publ., 2001, vol. 6: Limonar' [Limonar], 784 p. (in Russ.)
- Skok P. Etimologicheskiy slovar' khorvatskogo ili serbskogo yazyka [Etymological dictionary of the Croatian or Serbian language]. Zagreb, 1971, vol. 1. (in Croat.)

Сюжет в литературе и фольклоре

Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavyanskaya skazka [Comparative index of plots. East Slavic tale]. Leningrad, Nauka, 1979, 437 p. (in Russ.)

Tadevosyan T. V., Kotsinyan Sh. K. Armyanskie amulety i zagovory protiv ala i tpkhi i Sisinieva legenda [Armenian amulets and conspiracies against ala and tphi and Sisinyeva legend]. In: Sisinieva legends in folk and manuscript traditions of the Middle East, Balkans and Eastern Europe. Moscow, Indrik, 2017, pp. 327–373. (in Russ.)

Toporkov A. L. Zaklyuchenie [Conclusion]. In: Sisinieva legends in folk and manuscript traditions of the Middle East, Balkans and Eastern Europe. Moscow, Indrik, 2017, pp. 771–793. (in Russ.)

Vasmer Max. Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Russian Language]. In 4 vols. Moscow, Progress, 1986, vol. 1, 574 p.; vol. 2, 672 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Эгине Артаковна Саакян, преподаватель кафедры иностранных языков и литературы

Information about the Author

Heghine A. Sahakyan, Lecturer of the Department of Foreign Languages and Literature

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2021. № 2

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2